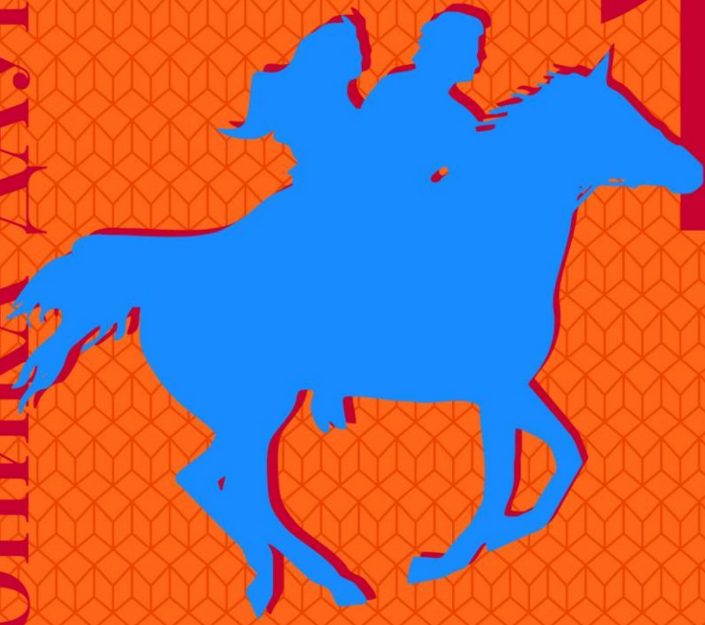
ВЕРОНИКА ДАУНГАЙ

1

Отыгрывание прошлого

Вероника Даунгли

Роман Отыгрывание прошлого

https://litres.ru/74501493
SelfPub; 2026

Аннотация

«Отыгрывание прошлого» — это роман о праве на изменение, о цене защиты, которую мы выстраиваем вокруг сердца, и о смелости позволить себе быть неидеально живым. Но однажды прошлое напоминает о себе. В жизни героев появляются письма, случайные встречи, забытые фразы — и привычные защиты начинают трескаться. Герои понимают: то, что казалось надёжной бронёй, на самом деле мешает им жить. Роман о том, как детские травмы становятся невидимым сценарием нашей жизни, но при этом не обязаны определять её финал. Перед ними встаёт непростой выбор. Они могут продолжать жить по привычному сценарию — оставаться в броне, в одиночестве, в страхе. Или рискнуть: снять маску, признать боль и шагнуть в неизвестную свободу.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Роман Отыгрывание прошлого

Глава 1

В тексте - Глава 1; Глава 2; Глава 3; Глава 4.

Часть I. Поезд, который увозит прошлое

У каждого из нас есть выбор: идти или стоять, страдать или радоваться тому, что живёшь. Но не все находят силы жить настоящим. Кто-то превращает прошлое в оружие, строит из него крепость.

Таковы две сестры — наследницы, чьи улыбки скрывают лезвия. В их красоте было что-то от хищных цветов: лепестки манят, а шипы ранят. Казалось, гладят — а на самом деле режут. Особенно тех, кто принимал их свет за тепло, а это было свечение холодного металла.

Прощения не случилось, прощания — тоже. Они просто пошли дальше, а за спиной тлел неугасимый пепел.

В детстве их называли «болезненными девочками». Они выросли под взглядом жестокой матери — в доме, где нежность считалась слабостью, а боль становилась уроком. Но у них был острый ум — и вскоре они поняли, как легко манипулировать людьми, зная их страхи.

Их заставляли ломать себя: говорить не то, что думают,

скрывать истинные чувства и изображать то, чего не испытывают. Так потребность в возмездии переросла в страсть. Они научились превращать чужие страхи в оружие. Чужие слабости — в рычаги. А чужую веру — в ловушку.

Знала ли мать, каких чудовищ произвела на свет? Да, знала. Потому не обнимала, не гладила по голове, отталкивала — словно пыталась оградить мир от их желаний. Матери знают всё про своих детей…

Так прошлое вылепило их характеры: улыбки слишком сладкие для правды; правило — не спрашивать, а угадывать чужие слабости; страх услышать в ответ: «Я тебе верю».

Для них жизненно важно казаться всемогущими — чтобы не оказаться в унизительной зависимости, не ощутить себя ничтожными. После её смерти всё изменилось. Наследство — не подарок, а инструмент: теперь у них были средства, чтобы уехать, стереть следы, начать игру на новом поле. Направление — к морю.

Те, кто оказывался рядом, далеко не простодушны. Они опытны, любят риск и ломать привычный порядок. Вступая в их игру, люди ищут не столько удовольствия, сколько острых ощущений. Но не всё так просто: сёстры похожи как две капли воды. Это мощное оружие настолько запутывает ситуации, что даже они не знают, кто из них настоящая — та, что играет, или та, что давно хочет кричать.

Между ними есть разница — но лишь для самых наблюдательных. У них слишком разный характер:

Николь любила молчать — и в этом молчании люди слышали приговор;Кети же говорила без остановки, но её шутки всегда заканчивались тишиной, в которой тонуло чужое веселье.

Жизнь — как экспресс: то мчится без остановок, то замирает на запасных путях. Именно так они ощущали свой путь: то стремительный, то застывший. И вот — новый этап.

Теперь, спустя годы, они снова в пути — в Поезде класса Люкс. Как тогда, в детстве, когда мать, ссылаясь на «укрепление здоровья», отправляла их в закрытые школы — подальше от дома.

Поезд дал им редкую возможность: замедлиться. Но куда двигаться дальше? За окном мелькали огни станций, а в вагоне пахло свежесваренным кофе и кожей кресел — запахом ложного покоя, за которым скрывалась новая игра.

Направление — к морю. После улаживания дел с наследством они наконец могли позволить себе не просто отдых, а поиск места для новой жизни. Очень хотелось вырваться из холодного климата, согреться под солнцем. А если место понравится — превратить его в крепость. Или в сцену для новой игры.

Воздух в вагоне стал густым от запаха кофе и нагретого дерева. Кети провела пальцем по подлокотнику, вспоминая, как в детстве они с Николь играли в «угадай, кто я». Тогда это было смешно — они менялись платьями, копировали жесты, и даже мать порой не могла их различить. Те-

перь — опасно.— Я, пожалуй, останусь, — тихо сказала она. — Здесь… спокойнее.Николь замерла у двери. Их взгляды встретились в зеркале — два отражения, две маски.— Ладно. Схожу на разведку, — бросила она. — Постараюсь не заблудиться в этом лабиринте.

Она направилась в сторону ресторана, как ей показалось. Шагая по коридору, невольно сравнивала этот поезд с «Восточным экспрессом» из любимого детектива. Те же девять вагонов, каждому — своё имя, своя цветовая гамма. Двери окрашены в глубокий бордовый, под ногами — ковры с геометрическим узором, а в воздухе витает шёпот полированного дерева.

«Этот поезд словно застыл во времени, — подумала Николь, сразу заметила . — Как будто мы уже не в 2020-х, а где-то между эпохами».

Отделка и декор выдержаны в едином стиле: латунные ручки, резные панели, мягкие светильники, отбрасывающие тёплый свет. Всё это создавало ощущение, что они попали в другой мир — мир, где время течёт медленнее.

Навстречу шёл высокий мужчина — в его походке и развороте плеч читалась физическая сила, а удлинённая стрижка волнистых волос придавала облику неожиданную мягкость.Николь подумала: «Легко разойдёмся». Но он резко коснулся её локтя. Внутри у неё всё сжалось — знакомый ледяной укол тревоги. Ещё с детства, когда материнские «уроки» заканчивались синяками, она научилась распознавать

опасность по малейшему жесту. «Со мной так нельзя. Это опасно!» — мелькнуло в голове.

Мужчина оглянулся и спросил:— Куда это вы направились? Это последний вагон — он заполнен футбольной командой. Дальше ничего нет.

Николь развернулась. «Теперь нам в одну сторону…» — мелькнуло у неё в голове.

— Вы в ресторан? — коротко бросил он. — Тогда идём. Я знаю короткий путь.

Через некоторое время, после ухода Николь, Кети всё же решила присоединиться к сестре. «Может, там и правда что-то интересное…» — подумала она, направляясь к ресторану.

Подходя мимо своего купе, Николь заскочила внутрь. Кети не было — «Ушла вперёд?» — мелькнуло у неё. Она прилегла на диванчик, пытаясь уловить хоть отдалённый звук её шагов. «Куда она могла пойти? Ведь только что была здесь…»

А в это время Кети уже сидела в ресторане, вокруг царил привычный для вагона-ресторана свет: солнечные лучи, пробивающиеся сквозь окна, смешивались с тёплым мерцанием настольных свечей.

В зал ресторана вошёл молодой мужчина с волнистыми волосами, его движения были собранными. Он направлялся к своей мужской компании за дальним столиком, но вдруг замер. Увидев ту же девушку уже за столом, тихо спросил:

— Вы что, уже и еду заказали? — В его голосе звучало не

просто удивление, но и настороженность. — Как вы проскочили мимо меня? Вы… за мной шли?

Кети подняла бровь, выдержала паузу, а затем звонко рассмеялась. Ей были знакомы такие ситуации с сестрой — их вечно путали. Её звонкий смех разнёсся по залу, как перезвон бокалов.

— Вы, наверно, пешком шли, а я на лифте поднялась — так быстрее, — ответила она с шутливой серьёзностью, а в глазах заплясали озорные искорки.

— Вы, кажется, знаете этот поезд лучше меня… — произнёс озадаченный мужчина.

Он присоединился к своей спортивной компании и, пытаясь обернуть ситуацию в шутку, бросил:

— Здесь что, ещё и лифт есть?

За столиком раздался дружный смех. Он тоже выдавил улыбку, но внутри что-то неприятно заскребло: её смех не отпускал, звенел в ушах, будил смутные воспоминания. Боковым зрением он продолжал следить за её столиком, ловя каждое движение.

«Что-то не так», — подумал он, но не смог ухватить мысль за хвост. Она ускользала, как тень от движущегося вагона.

Официант заметил мановение руки девушки и неспешно направился к её столику. Кети, слегка наклонив голову, встретила его внимательным взглядом.

— Хочется чего-нибудь сладкого с мороженым, посыпать орешками. Такое у вас есть? — спросила она, и в голосе про-

звучала едва уловимая нотка предвкушения.

Официант слегка покачнулся, будто потерял равновесие на миг. Медленно поднял голову. В глазах — ни интереса, ни даже тени профессиональной приветливости.

— Наверно, что-то есть… или нет. Надо на кухне спросить, не помню, — пробормотал он равнодушно, словно слова давались ему с трудом.

Кети нахмурилась, развела руками:— Вы как-то без напора совсем. Всё же было хорошо десять минут назад — и всё помнили.

Он посмотрел на неё — и в этом взгляде была не просто усталость. Была тоска. Глубокая, выматывающая, как долгий ночной дождь.

— Да я чувствую, что сегодня мой последний рабочий день, — произнёс он тихо, почти про себя.

Она замерла. Что-то в его интонации — эта смесь обречённости и странного облегчения — тронуло в памяти невидимую струну. Будто она уже слышала это. Давно. Где-то.

— Интересно… Нам ещё два дня ехать. Вы что, с поезда будете прыгать? Ведь мы только что отправились, — быстро проговорила она, пытаясь скрыть волнение за лёгкой иронией. — Да и в принципе это не так и страшно. Есть ещё четыре официанта — они и без вас справятся.

Он медленно поднял на неё глаза. В них мелькнуло что-то резкое — не гнев, а скорее усталое узнавание.

— Вот-вот, то же самое вы мне говорили несколько лет

назад, — произнёс он, и голос его дрогнул. — Только тогда это был двухметровый забор. После этого целый год восстанавливался…

Кети почувствовала, как внутри всё сжалось. Забор. Год восстановления. Широко открыв глаза, она уставилась на него — и в этот момент вспомнила о своей сестре, это наверно ее история.

Официант, не дожидаясь ответа, развернулся и задумчивый направился к помещению, которое находится рядом с кухней: там хранится посуда и холодильники с напитками для гостей. Кстати, именно здесь сервируют блюда перед подачей гостям. Удивительно, но здесь было идеально чисто!

Кети провела рукой по лицу, словно стряхивая наваждение. Что это было? Мысли путались, но одно она знала точно: нужно об этом спросить сестру.

К гостям в зале начали подходить девушки в праздничных костюмах: они выдавали программки и пригласительные билеты на вечер, с номерами столиков. Это музыкальная группа — они будут развлекать гостей.

Тем временем Николь открыла глаза от лёгкой встряски вагона — она задремала на диванчике в купе. Несмотря на молодость, силы были на исходе: недели переговоров с адвокатами и бумажной работы дали о себе знать.

— Что-то давно нет сестры… — пробормотала она. — Как же здесь уютно! Такое небольшое помещение — и столько спокойствия. Интересно, кто так придумал? Какой дизай-

нер?

Мысль о дизайнере зацепила. Вспомнилось: в прохладном тамбуре на стене висела табличка в медной раме. Николь поднялась, вышла из купе и направилась туда. Подойдя, она прищурилась, вчитываясь в выгравированные буквы.

— Очень интересно! Даже фамилия знакома… Сейчас вспомню, где я о нём читала.

Её взгляд скользнул дальше — к большим окнам тамбура. За ними виднелось межвагонное пространство: металлические стыки, аккуратно прикрытые полированными панелями, и узкая полоса света между вагонами. Николь коснулась поверхности — холодная, идеально гладкая.

— Невероятно… — прошептала она. — Каждая деталь продумана. Кто же ты, создатель этого поезда?

Замок с внутренней стороны её купе щёлкнул, но она этого не заметила.

Разворачиваясь, чтобы выйти из тамбура, она снова столкнулась с тем самым мужчиной спортивного телосложения.Николь посмотрела на него спокойно и попыталась протиснуться мимо, бросив:

— Господи, опять вы? Что, так рано? В ресторане еда закончилась?

Он остолбенел — а ведь только что немного успокоился. Неуверенным голосом он задал встречный вопрос:

— Вы что, меня пугаете? Опять на лифте? В чём фокус?

Немного подумав, Николь с серьёзным видом ответила:

— Нет-нет, я над крышей вагонов пролетела на метле. Хотите, дам прокатиться?

Проскользнув мимо него, она дёрнула ручку двери своего купе. Закрыто. Странно…

«Это, наверно, не наше купе», — подумала она и в спешке дёрнула следующую дверь — та оказалась открытой.

— Наконец-то я избавилась от него! — громко проговорила Николь, поворачивая голову к окну.

Прохладный ветер ударил в лицо — окно было открыто.— Я не открывала… — пробормотала она, машинально захлопывая створку.

Только теперь она осознала: это не её купе. Быстро выйдя и закрыв за собой дверь, Николь едва не столкнулась с Кети.— Ох, это ты… — выдохнула она с облегчением.

Кети открыла соседнее купе, и сёстры зашли внутрь.

— У них сегодня праздничный концерт, — тихо сказала Кети, протягивая два пригласительных билета. Она говорила с опаской, будто боялась, что их подслушают. — Вот, для нашего столика. Придётся пойти. Зато заодно поужинаем. А ещё… — она достала из сумки свёрток, — я тебе кое-что вкусненькое принесла.

Николь невольно улыбнулась, но тут же помрачнела:— Помнишь наши дни рождения? Мама никогда о них не вспоминала… будто их и не было вовсе.

Слёзы моментально навернулись на глаза.

— Помню, конечно, — тихо ответила Николь. — Но мы-

то знали свои даты. Тайно отмечали вместе. Да и вообще настоящих праздников не было…Она глубоко вздохнула:— Давай сегодня начнём отмечать все праздники. По-настоящему. И дни рождения — в первую очередь.

Сестры переглянулись и мысленно перенеслись в вечер предстоящего праздника. Они представляли, как выбирают наряды, смеются над неловкими тостами, ловят взгляды других гостей.

А ещё — как взрываются хлопушки: резкий хлопок, и в воздухе вспыхивает радужный серпантин. Внутри каждой — крошечный сувенир: брелок, брошка или забавная фигурка.

«Может, это и есть счастье?» — подумала Николь.

— Что было с тобой несколько лет назад? — неожиданно спросила Кети. — Официант, который меня обслуживал, вспомнил случай про какой-то двухметровый забор… Николь вспомнила сразу — страх никогда не забывается:

— Ааа, эта история часто мне снится. Меня тогда к тёте увезли — к маминой сестре. Я вышла во двор, а там… незнакомые подростки решили меня напугать. Загнали между гаражей. Один парень, очень жестокий, грубо тыкал в меня палкой. В тот момент сердце будто остановилось — я даже не могла закричать. Было страшно, выхода нет.Я схватила палку и заставила его отступить. Он оказался трусливым: бросился к тому самому двухметровому забору, залез на лестницу наверху. А я со всей силы ударила по шаткому забору — он рухнул, и парень свалился в сторону строй-

ки.Руки дрожали, дыхание сбилось, в висках стучало — я едва удержала палку. Я даже не помню его лица. Не помню, что было дальше. Кто-то закричал, кто-то отступил… Всё смешалось. Но стоит закрыть глаза — и я снова там. В этом дворе. У этого забора.

Николь замолчала, сжимая кулаки до побеления костяшек. Горло сжалось, словно кто-то сдавил его невидимой рукой. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь, и лишь потом продолжила, закусив губу:

— После этого я перестала бояться темноты. Странное, да?

И резко переключилась к вопросу о вечере с легким предвкушением:

— Интересно, что будет сегодня вкусненького на ужин?

— Собственно, вот карта-блюд. Почитать тебе? — с заботливой улыбкой предложила Кети, протягивая лист бумаги.

Николь взяла меню, пробежала глазами по строчкам и оживилась:

— Ого! Тиа из шотландского омара и креветки, тыквенный суп, шоколадный торт «Пьемонтэз» с пудингом, чизкейк с ромовым желе и ванильным соусом… Целый парад вкусняшек, правда?

— Ага, особенно омары, — усмехнулась Кети. — Шутишь опять…

— Кстати, — задумчиво протянула Николь, отклады-

вая меню, — как они тут сервируют стол? Надо вспомнить фильм «Красотка». Помнишь, как героиня Джулии Робертс растерялась на деловом обеде? Ей тогда вежливо объяснили: двигаться нужно от дальних столовых приборов — тех, что разложены в порядке подачи блюд.

Кети кивнула, задумчиво глядя в окно:

— Да, помню. И как она потом ловко справлялась… Интересно, а мы сумеем? Всё-таки не каждый день ужинаем в поезде-люкс.

— Сумеем, — уверенно ответила Николь. — Главное — не забывать, что это просто ужин. Пусть даже с омарами и шоколадным тортом.

Кети улыбнулась:— И хлопушками после.

— И серпантином, — добавила Николь, и обе рассмеялись.

— Восхитительно! Я сегодня буду «Джулией»! — с лёгкой усмешкой произнесла Николь.

Вдруг в дверь будто бы постучали!

— Да нет, показалось. Мы не так громко разговариваем, — успокоила себя Николь.

Но тут из-за двери раздался голос:

— Девушки, вы случайно не видели вашего соседа слева? В его купе никого нет, а он попросил занести графин с лимонной водой и разбудить.

— Нет, соседа мы ни разу не видели — даже когда заселялись в своё купе, — ответила Николь.

— Ну хорошо, поставлю ему на столик, — сказал проводник и отошёл.

Уже вечерело. В окне разливался красивый закат — с красноватым оттенком, как на картинах Моне. Воздух наполнился ощущением свободы… но что-то его сдерживало, будто невидимая рука готова была всё испортить.

«Ну да ладно, не будем думать о плохом…» — мысленно одёрнула себя Николь.

Они уже собрались выйти из купе, как вдруг из тесного отсека под нижним сиденьем донёсся приглушённый голос:

— Пожалуйста, не бойтесь. Я вам ничего не сделаю. Я ваш сосед из соседнего купе. Спрятался здесь ненадолго, а крышка защёлкнулась. Меня преследует один человек — он уверен, что у меня есть то, чего на самом деле нет. Если он найдёт меня, будут неприятности. Я очень устал здесь сидеть. Выпустите меня…

Вагон слегка качнулся, и Николь с Кети едва удержались на ногах.

— Почему вы решили спрятаться у нас? — спросила Николь, скрестив руки.

— Вы оставили дверь открытой. У меня были другие планы, но это купе показалось теплее. В тамбуре слишком холодно, — прошептал сосед.

— Начинается вечерок… — Кети усмехнулась. — Мы собирались праздновать, а тут — новый сценарий.

— Ну почему же, повеселимся, обязательно. Если вы мне

поможете разыграть одного человечка. Он меня так пугает — честно сказать, запугал вовсе, а может, и ещё чего-нибудь пострашней. Откройте меня… — жалостливо произнёс неизвестный сосед.

— Вы точно сосед? — спросила Николь. — Да, конечно. В моём купе и паспорт есть — возьмите, там фото моё. Только откройте, я затек совсем, — и голос стал тихим-тихим.

Николь переглянулась с Кети. Та едва заметно кивнула.

— Ну вообще-то такое веселье мне даже больше нравится, чем просто в ресторане музыку послушать. Хорошо, выпускаем вас от оттуда. Рассказывайте, как мы будем веселиться? — начала Кети.

Ей давно не хватало острых ощущений, а тут — готовый сценарий: проверить, насколько далеко незнакомец готов зайти, чтобы спастись.

Из-под крышки вылез человек — незаметный, невысокого роста, с тонкими чертами лица, в дорогом костюмчике. Он напоминал певца по прозвищу Принц. Кети мысленно отметила: «Ну понятно, почему его никто не заметил как пассажира. Да и никто бы не вспомнил, что видел такого».

Он сел на крышку банкетки и начал рассказывать. История оказалась чрезвычайно интересной: как выяснилось, это был тот самый дизайнер вагонов — фамилия в его паспорте подтверждала это. Он пообещал, что позже поможет сёстрам с покупкой курортного домика в месте их назначения.

Однако Кети и Николь это не слишком волновало. Для

них главной ценностью была игра. Они хотели понять: он действительно в опасности или сам затеял хитрую игру? Получив от него инструкции, сёстры приготовились приступить к действию.

В воздухе пахло воском и свежесрезанными цветами — кто-то уже украшал зал. Николь ощутила лёгкий холодок на затылке: это был знак, что время пришло. Она сделала глубокий вдох, поправила заколку на виске и шагнула в коридор. Она пошла быстрее, почти не глядя по сторонам: её маршрут был выверен до метра.

Ресторан начал заполняться людьми. Нарядные столики были уже сервированы: салатные корзиночки, паштеты, лёгкие закуски — всё выложено с геометрической точностью. Длинные свечи с пламенными язычками дрожали от сквозняка, создавая иллюзию танца. В пригласительных значились номера столиков — гости рассаживались, словно фигуры на шахматной доске. Николь двигалась навстречу празднику, но в груди сжималось холодное предчувствие: что-то в этом зале было не так.

За аккуратно сервированным столом уже сидели двое мужчин, о чём-то негромко переговариваясь. Она остановилась у своего столика. Мужчины замолчали, подняв на неё глаза.

Николь выдержала паузу — ровно столько, чтобы они успели ощутить неловкость. «Пусть смотрят. Пусть гадают».

— Мы представились:один — футбольный тренер тех са-

мых спортсменов, Боб; второй — юрист Кирк.Их позы говорили больше слов: Боб — напряжённый, плечи чуть приподняты, будто готов к рывку; Кирк — расслабленно-наглоховатый, пальцы барабанят по скатерти в ритме невысказанной угрозы.

Она улыбнулась — медленно, будто пробуя улыбку на вкус.

— А я люблю театр, немного играю. Нравится побыть в другом обличии — это забавно. Меня зовут… Джулия, — неожиданно для себя произнесла Николь.

Кирк приподнял бровь, но не ответил. Боб же, напротив, чуть наклонил голову, словно пытаясь разглядеть её сквозь маску.

Она посмотрела на Боба взглядом, проникающим под кожу. Его профиль — острый подбородок, шрам у виска — совпадал с обрывочными воспоминаниями детства. «Глупо, — подумала она. — Это просто совпадения». Но взгляд снова скользнул к нему: привычка потирать подбородок, прищур — всё кричало: «Он знает больше, чем показывает».

Мама всегда говорила: когда появились мы, отец сразу куда-то исчез. Он увлекался футболом и часто пропадал. Потом снова появлялся — и снова исчезал. Мы были маленькими и плохо помним отца. Но мы чувствовали: за нами кто-то наблюдает, когда мы играли на детских площадках, во дворе и в садике.

Боб помолчал, потом сказал, мягко наклоняясь к ней:—

Значит, вы актриса. Это как футбол: тоже игра, только без мяча. Вы задумались — о театре?

Николь вздрогнула. Улыбнулась:— Нет… О том, как странно устроена память. Иногда она подбрасывает образы, а ты не понимаешь — твои они или чужие.

— А кроме футбола, было у вас ещё какое-нибудь увлечение? — неожиданно спросила Николь. Голос звучал ровно, но внутри всё сжималось: она ждала реакции на слово «увлечение».

— Ничего себе вопрос! Этого мало? Я всю жизнь посвятил спорту и команде. И вообще, это ещё и бизнес, — лицо его покраснело от напряжения, жилка на шее пульсировала.

— Интересно, — протянул Кирк, поправляя манжету. — А я вот никогда не понимал тяги к театру. Всё ненастоящее.

Николь посмотрела на него холодно. Её палец непроизвольно постукивал по краю бокала — ритм, который она использовала, чтобы не сорваться.— А юриспруденция — настоящее? Вы же тоже играете: слова, роли, маски.

Кирк усмехнулся, но ничего не ответил. В его глазах мелькнуло что-то звериное — не гнев, а азарт охотника.

Она продолжила беседу, пока не зазвучала музыка:

— Кирк, это, наверно, очень трудно, когда все стороны хотят выгоду для себя. Как вы с этим справляетесь? А, наверно, кто больше заплатит, тот и прав… — с напускной детскостью произнесла она, закусив губу до боли, чтобы не выдать дрожь в голосе.

— Да, и такое имеет место быть, но в рамках закона — если все доказуемые документы представлены, — с полным спокойствием произнёс Кирк. Его рука скользнула к карману, где что-то блеснуло — возможно, брелок или ключ. — А вы совсем одна, «Джулия»? Почему?

— Я не одна, к нам скоро присоединятся, — ответила она и тут же перевела разговор: — А вы, наверно, на соревнование, Боб? Интересно посмотреть, какие приёмы вы используете в игре. Да и парни для вас, наверное, как ваши собственные дети?

Боб замер. Его пальцы сжались в кулак под столом. Он почувствовал издёвку и давление — что-то вроде провокации, — но пока не мог осознать это до конца. Почему она спрашивает о детях? Откуда знает про соревнование?

В этот момент музыка смолкла, и в зале вспыхнули прожекторы. На сцену вышла певица с голосом, похожим на ржавый нож — резкий, царапающий слух. Николь вздрогнула: этот звук… он был в моих кошмарах.

Кирк заметно опьянел: развалившись на удобном большом стуле, он улыбался без причины, взгляд плавал, словно не мог сфокусироваться. Николь подумала: «Пора — клиент готов!»

На тарелочке лежала хлопушка. Она дёрнула за две верёвочки — и вуаля, праздник начался. Серпантин закружился в воздухе, осыпая стол разноцветными змеями. Николь смотрела на него — и вдруг увидела другое: песок, детские

ладошки, строящие Замок. Во рту пересохло. «Не время для воспоминаний», — одёрнула она себя.

Мужчины присели ниже стола от неожиданности — словно в фильмах про гангстеров. К столику поспешил все тот же худощавый молодой мужчина:— Шеф, всё в порядке?

Боб посмотрел не просто строго — в его взгляде читался отпечаток прошлого, чего-то нехорошего. Мышцы на его шее напряглись, пальцы сжали край скатерти.— Да, всё в порядке, — ответил он, стряхивая с себя серпантин. — Просто сюрприз.

Николь (она же Джулия) попросила Кирка довести её до зеркала под предлогом — что-то попало в глаз. Он мило согласился и, подхватив её за талию, повёл на выход. Его тело запылало, будто что-то вкусненькое попало в его руки…

— Может, в моём купе посмотрим, что там? Оно прям рядышком, вот здесь, — предложил Кирк, голос звучал ниже, тягучее.

— Хорошо, только ненадолго. Неудобно как-то. Всё так неожиданно получилось, — жалостливо произнесла Николь, опустив глаза, чтобы скрыть блеск азарта. Они свернули в полутёмный коридор. Сердце билось так громко, что, казалось, он услышит.

— Вообще-то в программке было указано время для хлопушек, — проговорил Кирк, открывая своё купе и проходя внутрь. — Просто рано и неожиданно вы… — начал он, но речь внезапно стала невнятной, взгляд затуманился. Он по-

качнулся и, не договорив, рухнул на диванчик. Всё решилось за считанные секунды.

Николь быстро нашла чёрную кожаную папку с документами. Пальцы дрожали, но движения были точными. Она просунула папку в приоткрытую дверь — чья-то рука мгновенно её подхватила. Взамен была передана точно такая же.

Через минуту Кирк очнулся. Он моргнул, провёл рукой по лицу, будто пытаясь стряхнуть наваждение.— Что… что случилось? — пробормотал он, оглядываясь. — Я… на секунду потерял сознание?— Вы вдруг побледнели, прилегли на минутку, — мягко сказала Николь, притворно обеспокоенно касаясь его плеча. — Может, вам воды?

Он кивнул, всё ещё смущённый, попытался сфокусироваться на её лице.— Это, наверное, из-за качки, — спокойно объяснила Николь, не убирая руку с его плеча. — Поезд немного шатает, да и ужин был насыщенный. Вы уверены, что можете встать?

Кирк медленно приподнялся, опираясь на подлокотник.— Да… да, вроде бы. Просто голова кружится.

Николь улыбнулась, но в глазах её не было теплоты. «Один ход сделан. Теперь — следующий», — пронеслось у неё в голове.

— Давайте вернёмся в зал, — предложила она, помогая ему подняться. — Возьму свою сумочку — оставила её на столе, когда мы вышли. Хорошо?

Кирк кивнул, не глядя на неё. Он всё ещё пытался со-

браться с мыслями. Николь же, держа его под руку, повела к выходу, чувствуя, как ускоряется пульс.

В ресторане уже звучала музыка, и по указанному времени начался концерт. Все как один вышли из-за столиков и начали танцевать.

— Что-то я утомилась. Пойду немного отдохну и попозже присоединюсь к вам. Не скучайте… Боб посмотрел на неё с опаской — не выкинет ли она ещё что-нибудь…

Николь медленно двинулась к выходу, едва заметно покачивая бёдрами. Она не смотрела по сторонам, но кожей ощущала: молодой мужчина спортивного телосложения следит за ней. Это был её финальный ход. Через три шага он уже шёл следом — сперва нерешительно, затем всё увереннее. В этой уверенности сквозила хищная расчётливость.

— Куда это вы собрались? Можно, я вас провожу? — его голос звучал игриво, но в глазах мелькнуло что-то цепкое. — Мне просто интересно, на чём вы будете добираться на сей раз, до своего вагона? Что вы молчите? Кончились фантазии?

Он сокращал дистанцию, подстраиваясь под её шаг. В каждом движении — напускная небрежность, но пальцы то и дело сжимались, будто он боролся с порывом схватить её за локоть. Николь ускорила шаг. Он — следом, уже не скрывая настойчивости.

В какой-то миг его рука дрогнула, потянулась вперёд… И замерла в сантиметре от её локтя. Он же футболист. В реша-

ющий момент сработал рефлекс — адреналин отступил, как после финального свистка когда важно не потерять голову. Глубокий вдох — и он отступил на полшага, будто переходя из атаки в оборону.

— Почему же кончились? Очень даже не кончились, — ответила Николь, уже отойдя на безопасное расстояние. Её голос звучал легко, почти насмешливо, но в глазах мелькнул холодный расчёт.Они остановились у панели с аварийным оборудованием. Красный рычаг стоп-крана тускло отсвечивал в полумраке.

— Вот, например, видите стоп-кран? — она указала на него кончиком пальца, не прикасаясь.

— Этот, что ли? Сейчас будет какой-то фокус? — он схватил рукоятку, начал слегка подёргивать её, будто проверяя на прочность и дразня собеседницу. В его улыбке промелькнуло детское озорство, но глаза оставались серьёзными.

— Ну всё, достаточно, — Николь сделала шаг назад, её тон стал прохладным, почти отстранённым. — Больше меня провожать не надо. Увидимся позже, а может, уже и утром. Нам ещё почти сутки вместе ехать…

— Как ваше имя? Мы ведь так и не представились друг другу. Меня зовут Каспер, — он вдруг остановился, глядя ей прямо в глаза. В этом взгляде было что-то цепкое, испытующее.

— Что за имена у вашей компании? Это клички, что ли? А меня ваши друзья называют Джулией, — она слегка припод-

няла бровь, будто забавляясь, но в голосе прозвучала нотка металла.— Да, это так принято в команде. Если по внешним данным что-то явно выделяется, так и прозвище приклеивается, — пояснил он, слегка смутившись. Его пальцы всё ещё сжимали рычаг, будто он искал опору.

— Ну всё, пока, Каспер. Увидимся. Праздник в разгаре — повеселись там хорошо… — Николь улыбнулась, но в этой улыбке не было теплоты. Она развернулась и направилась по коридору к своему вагону, не оглядываясь.

«Один шаг сделан. Теперь — следующий», — мысленно отметила она... — теперь нужны следующие инструкции.

Планы, к счастью, не изменились: всё прошло гладко. Все были в сборе и с напряжённым вниманием ждали дальнейших указаний. В нашем знаменитом дизайнере чувствовалась редкая последовательность — как, впрочем, и у большинства талантливых людей его профессии. Он настолько ясно видел будущую картину, что невольно пробуждал в нас воображение. Кстати, имя его было не менее необычным, чем у звёзд спорта: Карло — прямо как папа Карло из сказки.

Следующий этап его плана предполагал… его побег с поезда. Будто бы он действительно куда-то исчезнет. Выслушав детали, мы ощутили непреодолимое желание заглянуть в его папку — узнать, что же за бумаги там спрятаны.

Постепенно всех начало клонить в сон. Музыка всё ещё лилась из динамиков, но план есть план. Карло задремал сидя в кресле: ему предстояло покинуть поезд ближе к четы-

рём часам.

— Как ты думаешь, он не проснётся? Хочется почитать, что же там такого, ради чего мы так повеселились, — спросила Николь.

— Не проснётся, это точно. Минут десять у нас есть, — уверенно ответила Кети.

Мы кое-как выдернули папку из его цепких ручонок. Содержимое потрясло нас до глубины души: в наших головах мгновенно промелькнула история, напрямую касающаяся нашей семьи.

Оказалось, документы принадлежали нашему дедушке по материнской линии. В папке лежали: свидетельства на недвижимость в Литве (приятный сюрприз); свидетельство об отсутствии наследников со стороны матери (возмутительная новость); свидетельство о браке отца с матерью (неправда — они давно в разводе) и др. В общем, целый пакет «Поддельных документов!», — вот оно что?

— Похоже, планы у нас меняются? — с грустью сказала Кети. — А так хотелось стоп-кран дёрнуть, выкинуть его из вагона — и пусть бежит куда захочет.

— Не расстраивайся, — спокойно ответила Николь. — Почему это меняются? Всё пойдёт так, как он запланировал, чтобы ничего не заподозрил. Мы ведь даже не знаем, зачем ему эти документы. Кто он такой? Что хочет от этих бумаг? Какое отношение имеет ко всему этому? В конце концов, его даже не упоминают в них.

— Наверное, адвокаты по нашим делам и наследству что-то не доделали или просто не в курсе были, — вздохнула Кети. — Вот и всё. Рано или поздно это и так бы выяснилось.

— Жалко даже отца — он, наверно, так старался… — тихо сказала Николь.

— В смысле — отца?! — Кети резко развернулась, глаза широко раскрыты.— Какого отца?! Ты что несёшь?!

— Ну… — Николь запнулась, видя её реакцию. — Я тебе ещё не успела сказать про нашу с ним встречу. Сегодня. Прямо за нашим столиком.

— За… нашим… столиком?! — Кети схватила её за руку. — Ты его видела? Здесь?! В поезде?!

— Да. — Николь сглотнула. — И, честно говоря, меня такой ужас охватил… Вспомнила, как он гонялся за нами в детстве, пугал до смерти. — Её передернуло. — Он смотрел на меня, Кети. Прямо смотрел.

— Ты… ты говорила с ним?! — голос Кети дрогнул. — Что он сказал? Что ты сказала?!

— Ничего. — Николь опустила взгляд. — Не смогла.

Молчание. Кети медленно отпустила её руку, сделала шаг назад.

— Хочется тоже его увидеть, — прошептала она. — Страшно… но хочется.

— Кети выпрямилась, голос стал твёрже. — Вторая часть плана для Карло — моя задача. Значит, увижу. — Она сжала кулаки. — Главное — не забыть стоп-кран дёрнуть незамет-

но, когда толпа пойдёт по своим купе после концерта.

Она резко наклонилась, шаря по сумке.

— Где мои перчатки?! Надо надеть их. Сейчас. — Руки дрожали, но движения были чёткими. — Всё должно быть идеально.

Николь молча наблюдала, как Кети готовится к выходу.

Карло пробудился, ощупал папку и спешно провери её, произнес: — Ну что, пора мне уже. Надо потеплей одеться — скоро будет то место где я должен выскочить. Пора, пора. Кети, давай выходи, — суетливо добавил он.

— До свидания, Карло. Скоро увидимся, как и договаривались, — Кети посмотрела на него с надеждой в глазах и вышла из купе.

Двигаясь в сторону ресторана, Кети ощущала: прежнего азарта больше нет. Тот настрой, с которым она планировала провернуть задуманное, испарился. Время поджимало, заставляя торопиться, а вспышки воспоминаний об отце не давали сосредоточиться. «Надо завершить начатое — и всё тут…» — мысленно повторила она, делая глубокий вдох. Выдох.

Она продолжила путь, шаг за шагом отгоняя лишние мысли. Впереди маячил вход в ресторан — оттуда лилась музыка, смешиваясь с гулом голосов. Толпа гостей постепенно перемещалась по вагонам. Самое время.

Втиснувшись в танцующую толпу, Кети двинулась к своему столику. Всё шло по плану. Едва она присела на место,

раздался громкий командный голос:

— Ну давайте, ребята, повеселимся! Завтра у нас сложный и напряжённый день. Ого, вы вернулись, «Джулия»? А это уже прощальная песня — и хлопушки закончились! — Боб разразился тем самым идиотским смехом, который Кети ненавидела больше всего.Звук пробирал до костей, заставляя сердце биться чаще. В потоке людей она рванулась к выходу. Главное — успеть дёрнуть стоп-кран, не проскочить мимо.

Плотная толпа несла её по коридору. Мимо мелькали двери купе, сливаясь в размытую полосу. В последний момент Кети схватилась за трос — холодный, чуть шершавый на ощупь. Длина позволила отступить на шаг: теперь никто не увидит, кто опустил рычаг. Ну вот и всё.

Поезд резко замедлил ход. Пассажиры, не ожидавшие остановки, сгрудились в проходе, переговариваясь и недоумевая. Кто-то бросил: «Опять эти пьяные шалости!» Вагоновожатые, привыкшие к подобным выходкам после праздничных гуляний, быстро подняли стоп-кран. Поезд вновь тронулся, продолжая путь по намеченному маршруту.

— Ну как всё прошло, Кети? Всё получилось? — спросила Николь, когда та зашла в купе, настороженно оглядываясь.

— Да, всё чудесно. Карло на свободе.А ты… видела отца? Это чудовище? Как он тебе? — задумчиво добавила Николь.

— Так, как ты и говоришь, — настоящее чудовище. —

отрезала Кети.

— Ты его сразу узнала? — тихо спросила Николь после паузы.

— Конечно. Хоть двадцать лет и прошло, а его взгляд и грубый голос… тот же самый. — Она провела рукой по лбу, словно стирая наваждение. — Помню, как в детстве: стоит в дверях, смотрит — и у меня уже колени подкашиваются. А для него мы просто две незнакомые девушки сейчас. Он даже не задержал взгляд. «Ужас, какой!»

Боб не узнал своих дочерей — и в этом была своя жестокая логика. Дети всё помнят отца детскими глазами: его голос, жесты, запах, интонации — то, что врезается в память навсегда. А он? Отец видит взрослых дочерей взглядом постороннего. Для него перед ним незнакомые женщины, а не те маленькие девочки, которых он когда-то оставил.

— Ну, что теперь будем делать? — немного растерянно спросила она.

— Ничего особенного. Всё по плану, по намеченному маршруту, — ответила Николь ровным, почти бесстрастным голосом.

— Да, кстати, я тут кое-что вспомнила. Помнишь, мама хотела отправить меня на учёбу к своему другу-дизайнеру? Она о нём очень хорошо говорила — рассказывала, что они вместе учились в университете. Имени, к сожалению, не вспомню, но фамилия… очень похожа на Карло.

Она замолчала на мгновение, словно пытаясь поймать

ускользающую мысль.

— Вот я и подумала: где-то я читала про этого дизайнера. В общем… это он нас ищет. И хочет помочь.

Николь перевела взгляд в окно. За стеклом мелькали огни, размываясь в тёмной полосе.

— Наверное, мама хотела нас защитить. От чего-то или кого-то. — Николь замолчала, глядя на размытые огни за окном.

В этом молчании вдруг стало слышно то, что раньше заглушали слова: стук колёс, отдалённую мелодию из ресторана, собственное дыхание.

— Думаю, она нас очень сильно любила, — повторила Николь тише, будто не для Кети, а для себя.

И в этой тишине обе поняли: всё, что они делают сейчас, — не только ради себя. Это последний долг перед тем, кто когда-то пытался их уберечь.

Часть II. Человеческий аппетит

Неуёмный человеческий аппетит обрёл силу, способную расщеплять атомы одним лишь порывом вожделения. Эго вознеслось к небесам, уподобившись величественному кафедральному собору. Когда мы окрашиваем скромные мечты в цвета золота и долларов, каждое существо превращается в императора собственных иллюзий, возводящего алтарь собственному «я». Но в этом триумфе самовозвеличивания кроется роковая иллюзия. Напрасно думать, что в сытом обществе царит всеобщее довольство. Как раз там, среди из-

бытка, недовольство плодится в невиданных количествах — ибо чем больше имеешь, тем острее чувствуешь нехватку того, чего ещё нет.

В чём же корень этой неутолимости? В том, что никакое внешнее приобретение не способно заполнить внутреннюю бездну. Все блага, все трофеи, все символы успеха — лишь мишура, наброшенная на пропасть, которая зияет в сердце каждого. Мы гонимся за удовольствиями, надеясь ими залечить рану бытия, но они, подобно воде в решете, просачиваются сквозь пальцы, оставляя после себя лишь горькое осознание: это было обманом.

Так мы попали в самое сердце курорта — по указанному адресу от нашего нового знакомого Карло, с которым провернули одно дело по пути сюда в поезде класса Люкс. Перед нами открылась картина мечты, поразившая наше воображение своим внешним видом. Это был особняк, явно принадлежавший очень-очень богатому человеку или какой-то мировой звезде. Огромная территория располагалась на склоне холма. Сразу было видно, что в таких местах обитают миллионеры. С верхних этажей, где нас расположили с сестрой, можно было полюбоваться невероятным видом на виноградники, обширные сады и водоёмы…

— Всё это, конечно, замечательно. Он что, нам хочет подобный домик подыскать? Представляешь, сколько это стоит? — спросила Кети.

— Нечего тут представлять. Нам нужен небольшой,

скромный и уютный. Да и к морю поближе — оно отсюда далековато. Для начала мы с тобой как следует нагуляемся, надышимся свободой. А потом всё само собой и сложится. Главное — не спешить. Мы же так с тобой планировали, — прищурившись и посмотрев вдаль, ответила Николь.

— Ага, типа как в поезде — даже поразмышлять не успели, вон как всё закрутилось. Да и скучно это — гулять. Хоть бы у Карло план был какой-нибудь. Скоро, интересно, мы его увидим? А вот и он, смотри, я его вижу! Ух ты, какой нарядный! А сверху он не такой и маленький, — радостно проговорила Кети.

— Ну как вы устроились, мои куколки? Сегодня у нас очень ответственное мероприятие. Надо тщательно подготовиться: это очень важная встреча с одним неприятным человеком. Времени у нас осталось немного, надо поспешить. Пока вы переодеваетесь, я начну. Кстати, эти две коробки для вас — здесь ваши костюмы. Там такой дресс-код: мужской стиль, — начал Карло в своей манере, с тщательным подходом к делу.

В наших жилах закипела кровь — словно на заправке сверхмощных гоночных машин мы до краёв наполняли баки неукротимой энергией. Мир вокруг вдруг преобразился в динамичный кадр грандиозного блокбастера. И мы главные герои этой захватывающей истории. Сердце бьётся в такт невидимому барабану, каждый нерв натянут как струна. Мы словно вышли на сцену, где софиты уже зажглись, а за кули-

сами ждёт незримый режиссёр. Его сигнал — и игра начинается.

«Игра началась! Ставки сделаны, господа!» — раздаётся внутренний возглас, и время замедляется.

Зачем нам испытания, что бы обрести себя? Вот преставьте глыбу мрамора — необработанную, грубую, скрывающую в недрах неведомый образ. Никто не скажет, таится ли в ней величественный бюст, изящная фигура или причудливая композиция. Чтобы увидеть замысел, нужен резец скульптора — твёрдый, безжалостный, точный. Вот так и человек. В обыденности мы живём, словно эта глыба: носим в себе потенциал подлинного «я», но редко даём ему проявиться. Привычки, страхи, чужие ожидания — всё это наслоилось, заслонило внутренний свет. И тогда жизнь посылает испытание...

Мы были готовы и выглядели как Нил Кэффри — обаятельный мошенник из «Белого воротничка», который носил шляпу-федору. Два винтажных галстука и запонки очень нам подходили по стилю.

— Куколки, нам придётся подъехать на машине к его особняку. Он любит, когда заполняется его гостевая парковка на 130 мест — для него это некое зрелище. Хотя до него всего-то пять минут пешком, — сказал Карло, посмотрев на девчонок, и задал вопрос: — А который вам год?

— Нам уже по тридцать почти — так в паспорте написано. Да и замуж нам уже пора, — с некой опаской произнесла

Кети.

Девочкам долго внушали о неспособности иметь семью и тем более детей — чтобы не размножались «какие-то типа монстрики».

— Да я уже понял ещё в поезде, что несладко вам было в детстве. Но вы же не виноваты в том, что не выиграли джекпот с любящей матерью… А вы уверены в том, что ваши дети будут любить вас? У матерей разная любовь — и такая имеет место быть. Да, кстати, она всегда так шутила, даже со мной. Я поверил в это — и вот результат: один теперь, — неожиданно произнёс Карло.

— Вы знали всё-таки нашу маму? Я же говорила, Кети, что мне знакома эта фамилия! Как здорово! — с восторгом произнесла Николь.

— Ну всё, все, хватит — позже поговорим. Сосредоточьтесь на задании, — едва сдерживая слёзы, произнёс Карло.

Он был крайне чувствительным человеком, несмотря на зрелый возраст и богатый опыт — такова была его натура.

Подъезжая ко двору, мы замерли: господский дом величественно стоял на возвышенности, открытый всем ветрам. Его фасад украшали строгие круглые колонны, придававшие строению благородный, почти античный облик. Вокруг раскинулся сад, словно сошедший со страниц английских ландшафтных альбомов — ухоженные газоны, извилистые дорожки, тенистые аллеи. Вдалеке, на фоне бледного неба, проступал зеленоватый купол — таинственный, чуть поблёс-

кивающий, будто покрытый патиной времени. Возможно, это была часовня — тихое убежище для раздумий и замаливания грехов, место, где время замирает, а душа находит покой.

На входе нас встретил хозяин. Приставив руку ко лбу, он внимательно разглядывал гостей, словно стараясь запомнить каждую черту. По мере нашего приближения его взгляд теплел, а улыбка становилась всё шире. Необычное движение рук — лёгкое потирание ладоней, чуть высунутый кончик языка — придавало его облику добродушную эксцентричность. Он крепко обнял Карло, и позже мы поняли: так он приветствовал всех — просто по-дружески, без лишних церемоний.

— Какие милые детки! — сказал хозяин, посмотрев на Кети и Николь. — Проходите поскорее, — заманчиво улыбаясь, произнёс он.

— Какой приятный и добрый человек, такой видный! — сказала Кети.

— В первую минуту — да, можно и так сказать. После — ничего не скажешь, а к концу вечера — чёрт знает что! У каждого свой задор: у одних — на борзых и ломать их; у других — кажется, что глубоко разбираются в людях; у большинства — на халяву поесть, повеселиться; маленькие человеки хотят сыграть роль большого; ограниченные грезят попасть в такое место и после хвастаться знакомым и т.д., — пояснил Карло.

В гостиной царила изысканная атмосфера: мебель, обтянутая шёлковой материей, мягко переливалась в свете ламп, а на полках красовались фарфоровые статуэтки — трофеи хозяина из заграничных путешествий. Из зала вели двери в небольшие комнаты с игровыми столиками — каждый мог найти занятие по душе. Гости постепенно рассаживались, выбирая уголки по вкусу. В помещениях для игр быстро воцарилась особая тишина — лишь шелест карт и негромкие реплики нарушали покой. Те, кто занял места за зелёными столиками, уже не отвлекались до самого ужина: игра полностью поглотила их внимание.

Хозяин, обычно весьма красноречивый, теперь лишь сдержанно наблюдал за происходящим, время от времени принимая сосредоточенное выражение лица. В воздухе витало напряжение, смешанное с удовольствием от увлекательного состязания.

Мы расположились в уютной комнате для квиза — командной игры с вопросами на разные темы. Помещение удачно находилось между залами для покера и рулетки, словно соединяя дух интеллектуального состязания с атмосферой азартных развлечений. Мягкое освещение и удобные кресла создавали располагающую обстановку.

«Наконец всё было готово и для нашей игры. Пора!» — мысленно воскликнула Кети.

В промежутках для отдыха Кети вышла в зал, где на изящных столиках мерцали бокалы с ароматными напитками, а

воздух был напоён тонкими фруктовыми нотами. Рассматривая миниатюрные фигурки из фруктов — настоящие шедевры кулинарного искусства, — она нечаянно задела поднос. Сладкая жидкость плавно разлилась по её платью, оставив блестящее пятно.

Хозяин, заметив её смущённое движение — как она осторожно промокает ткань салфеткой, — тут же предложил пройти в дамскую комнату и с учтивой настойчивостью вызвался сопровождать. По пути Кети завела разговор об искусстве, с лёгкостью рассуждая о старинных картинах, тонкостях глазурирования фарфора и редких техниках мастеров прошлого. Её эрудиция завораживала: каждое слово звучало как отточенная фраза из каталога аукционного дома, а глаза горели неподдельным увлечением. Хозяин слушал, забыв о времени, пленённый не столько её изяществом, сколько глубиной познаний.

— Как же здорово, что кто-то разбирается в этом и может похвалить всё то, что было собрано мной с большим трудом и любовью! Ведь это такая редкость, — с умилением произнёс хозяин. За это время она успела очаровать его.

— О, так это та самая статуэтка, которая была представлена на торгах аукциона.!Так это вы её приобрели? Ходили слухи, что из-за неё не одна семья пострадала, — с налётом интриги произнесла Кети, задержавшись у консоли с предметами искусства.

— Так вот оно что! Как я сразу не догадался? Я так увлёк-

ся этими вещами, что совсем потерял контроль. Как я её приобрёл, начала происходить чертовщина какая-то — всё наперекосяк пошло, — испуганно произнёс хозяин дома.

— И что же мне делать с этим? Я за неё бешеные деньги отдал, — растерянно схватившись за голову, произнёс он.

— Ну не переживайте вы так. У меня на неё есть покупатель — один коллекционер. Он вам вдвое больше заплатит. Где на неё документы? — с весьма значительным видом произнесла Кети.

— В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет, — обрадовался хозяин и повёл в небольшую комнату.

— О, какая очаровательная комнатка! Это ваш кабинет, Флеш? — воскликнула Кети, с интересом оглядывая интерьер.— Просто невероятно, как вы сумели всё так безупречно организовать! Каждая деталь на своём месте — роскошно, со вкусом, изысканно. Я в полном восторге! — не скрывая восхищения, добавила она.

Помещение дышало сдержанной элегантностью: стены, облицованные тёмными дубовыми панелями, приглушённо отражали свет бронзовой лампы под абажуром из тиснёной кожи. В центре стоял массивный письменный стол с резными ножками, на нём — книга с шёлковой закладкой, несколько исписанных чётким почерком листов и… вот оно! — нераспечатанное письмо, ради которого она и проникла сюда. Вдоль стены выстроились четыре строгих стула, а рядом примостилось глубокое кожаное кресло с потёртыми под-

локотниками. На полках виднелись старинные фолианты и бронзовые чернильницы, а в воздухе едва уловимо пахло воском и табаком. Каждое предместье словно рассказывало историю своего владельца — человека делового и взыскательного к деталям.

— Сейчас, сейчас… Где же эти бумажки? Вы меня прям спасли! Я чувствовал, что что-то происходит. Всё как-то начало меня пугать после приобретения, — хозяин был совершенно растроган тем,что кто-кто хочет ему помочь...

Так уж заведено судьбой: люди, казавшиеся несокрушимыми, едва ослабев под натиском тяжких обстоятельств, неизменно получают неожиданную помощь в тех, кто извне воспринимался хрупким и беззащитным. Но в час испытаний эти «слабые» вдруг являют невероятное мужество — словно изнутри их озаряет неведомая сила.

И странно, но неизменно происходит одно и то же: такие люди бессознательно тянутся друг к другу, находят друг друга, будто сама судьба ведёт их навстречу. В этом — её незримый замысел: смирить гордыню сильного, сделать его менее самоуверенным, а значит — более чутким и человечным. А слабого — напротив, одарить непоколебимой верой в собственные безграничные возможности, пробудить в нём дремлющую мощь, о которой он и не подозревал.

А в это время в гостиную вошёл высокий молодой человек, одетый в костюм, влитой по его фигуре. По-хозяйски осматриваясь, он не спеша стал прохаживаться по залу и за-

глядывать в игровые комнаты. Приветливо кивая головой с воспитанной манерностью, что и привлекло внимание гостей. Как вдруг мгновенно замер от неожиданности, увидев всё то же знакомое лицо. Видимо, оно не давало ему покоя с той встречи в поезде. Его поза напоминала детскую игру «морская фигурка, замри». Да и лицо, мягко говоря, стало несколько попроще…

— Добрый вечер, Джулия, рад вас видеть. Здесь свободно? Можно присоединиться к игре? — с осторожностью произнёс молодой худощавый человек.

— Да, конечно, я вас поджидала, Каспер, вот и место для вас держала, — на полном серьёзе произнесла Николь (она же Джулия).

Началась игра, и все сосредоточились. Ведущий задал следующий вопрос нашему столику:

— В 1905 году молодой физик Альберт Эйнштейн случайно познакомился в кафе со студентом, который показал ему свою дипломную работу. Эта встреча оказалась судьбоносной — идеи из той работы позже легли в основу теории относительности. Как называлась его работа?Варианты ответов:«Теория квантовой энергии»;«Пространство и время»;«Риманова геометрия» или «Атомная структура».

— Ну, это точно петлевая квантовая гравитация, эта теория заключается в восприятии пространства-времени как чего-то разбитого на дискретные части. Как вы думаете, Джулия (она же Николь)? — с грустными нотками произнёс

Каспер.

— Я хочу извиниться перед вами, Каспер. Это вымышленное имя, в тех обстоятельствах оно было уместно. Моё настоящее — Николь. Обещаю, это больше не повторится, — тихо проговорила она закусив губу, делает это от напряжения.

— Вы какая-то другая, что с вами? А где ваш сарказм? Вы что, и пугать меня больше не будете? — задиристо спросил Каспер.

— Ну почему же, если вам понравилось, то я могу немного поиграть с вами, если вы не против? — игриво произнесла Николь.

Возможно, между ними что-то начало происходить, похоже на признаки влюблённости, когда люди, не признаваясь в чувствах, начинают вести себя одинаково: использовать одни и те же слова, перебрасываться фразами «в стиле другого», повторять жесты и мимику. Возможно!

Уже вечерело — солнце медленно клонилось к закату, и природа, словно по волшебству, начинала расцвечивать пейзажи за окнами в духе полотен Моне. Нас пригласили к ужину, оформленному в современном стиле: на столах ждали миниатюрные порции с изысканной подачей. Каждое блюдо было продумано до мелочей — не только красиво, но и удобно для гостей. Крошечные закуски на шпажках напоминали белые музыкальные ноты, рассыпанные по тарелкам. Всё выглядело так изящно, что пробуждало не только аппетит, но

и эстетическое удовольствие.

Игры подошли к концу — лёгкие, непринуждённые, созданные лишь для того, чтобы весело провести время и тут же отпустить. Гости неспешно переходили из комнаты в комнату, завязывали беседы, делились впечатлениями. В этих разговорах то и дело проскальзывало желание блеснуть эрудицией или остроумием — но без напряжения, скорее играючи.

Атмосфера напоминала съёмочную площадку: каждый словно примерял новую роль, наслаждаясь моментом.

В этом и заключалась особая прелесть вечера: позже, вспоминая его, мы будем перебирать в памяти лица и слова, удивляться чьим-то неожиданным репликам, а если услышим что-то новое — непременно заглянем в книги, чтобы узнать больше.

Часть III. Послевкусие

В жизни встречаются люди, которых ни с кем не спутаешь. Они не вписываются в шаблоны, не играют по правилам, не носят масок. Они словно ветер: неуловимы, неприручаемы — но после их прикосновения остаётся пьянящее ощущение свободы. В них всегда таится глубина, манящая к исследованию.Но есть и обратная сторона… Такие люди невольно ранят — не из злого умысла, а по природе своей. Они не терпят фальши, не подстраиваются под чужие ожидания. Порой они исчезают, потому что им необходимо пространство. Или оставляют послевкусие недоговорённости —

ведь они не умеют любить наполовину.

Если вам посчастливилось встретить такого человека — не стремитесь его изменить. Не пытайтесь превратить его в удобного партнёра, друга или возлюбленного. Иначе он утратит свою суть — а вместе с ней исчезнет то самое неповторимое послевкусие, за которое вы его полюбили.

— Какое чудесное утро! Поскорей бы они приехали, избавиться от этой вещицы… Из за неё я что-то не поспал вообще. Вроде и солью засыпал полностью, чтобы зло не рассеивалось. Всё равно чувствую что-то нехорошее, — проговорил про себя хозяин роскошного особняка, у которого вчера был приём гостей.

— Едут, едут! Вот они! — Охранники, запуская внутрь двора гостей и выполняя все указания хозяина по его жестам, как при дрессировке собак, сопроводили их в дом.

Двое зрелых мужчин, похожие внешне, с небольшим чемоданчиком в руке — это антиквар и посредник коллекционера. Одинаковым шагом и движением рук двигались, будто бы на счёт: раз, два. Так сказать, для завершающего аккорда вчерашней договорённости с Кети — по избавлению от статуэтки, купленной ранее на аукционе.

— Мне вот интересно, ну вот что в ней такого, в этой статуэтки? За что ваш коллекционер вдвое больше платит мне? — Хозяина раздирало любопытство: он суетился, гадая, не продешевил ли он.

Его лицо сильно исказилось: глаза выпучились, крупные

уши устремились вверх, пунцовые губы сложились в трубочку, а волосы распушились, как у Эйнштейна. И вот-вот он покажет язык и скажет: «Дулю вам!» Кстати, имя хозяина — Альберт, но мало кто об этом знает. Обычно все его называют Флеш, любителя играть в карты.

— Да, на самом деле эта вещица особо ничего из себя не представляет, — начал антиквар.

— Но если собрать всю коллекцию воедино, то, поговаривают, она даёт такую мощную силу, что жизнь становится как в сказке. Вроде бы все желания начинают исполняться, — посмотрев мечтательно в сторону окна, проговорил антиквар.

— Наш заказчик давно уже охотится за этой коллекцией — долгие годы, совсем состарился… Но страсть остаётся страстью до последнего. Эта последняя фигурка — к девяти остальным. Да и не богат он особо, потому и не смог дать больше на аукционе, чем вы, — продолжил диалог антиквар.

— Минутку, минуточку! Вы как думаете, после вашего теперешнего рассказа я буду спать спокойнее, что ли? — неестественно захихикал хозяин дома, и лицо его стало хитрым, будто он что-то задумал…

— Возможно, это легенда, но поверьте моему опыту: коллекционеры с большим стажем в это сильно верят, — как бы остерегая хозяина дома от его же глупостей, произнёс антиквар.

— Но не знаю, не знаю… Не всё так просто. Дайте-ка мне

подумать. А есть ещё варианты? — с умным лицом посмотрел на них хозяин особняка.

— Ну а какие варианты могут быть? Хотите всю эту коллекцию себе забрать? Можно, конечно, но через его внука — он же его хочет осчастливить. Давайте подумаем. Наверно, молодому человеку деньги больше пригодятся, чем какие то статуэтки, например, — подумав, ответил антиквар.

— Вот и отлично! Как скоро можно это уладить? Да и скидка будет за такое количество? — выдохнул хозяин дома и что-то выпил прямо из графина.

— Ок, сейчас порешаем. Это тоже всё предусмотрено, когда вопрос касается наследников. Схема такая: вы продаёте статуэтку старику и сразу покупаете всю коллекцию — но уже у его внука, так как после этого действия всё переходит автоматически в его распоряжение по завещанию. Вот и всё. Как вам такой вариант? — сделал паузу антиквар.

— Хорошо, я согласен. Готовьте документы и побыстрей, пока он не откинулся — я имею в виду его дедушку, — с некой удовлетворённостью произнёс хозяин особняка. — Дело сделано!

Вздорный богатей Флеш, хозяин особняка, всегда старался выглядеть провокационно, держался заносчиво и обращался с неким снисхождением к окружающим. Он всегда смотрел на человека с вызовом, намекая, что знает его секреты. Его недолюбливали в высшем свете, но не могли не общаться с ним, поскольку он был богат и устраивал шикарные

приёмы.

В то самое утро в доме, скромнее по масштабам, но не по изысканности, разворачивалась тихая драма взаимопонимания. Кети и Николь, привыкшие действовать в унисон, теперь включали в свой ритм нового участника — Карло. За завтраком, сервированным с почти ритуальной тщательностью, они делились впечатлениями о вчерашнем вечере. Кети говорила сдержанно, взвешивая каждое слово. Николь, напротив, сыпала деталями, пытаясь ухватить неуловимое. Карло слушал, не перебивая, лишь изредка задавая вопросы, которые вдруг высвечивали то, что сёстры не замечали.

Подведение итогов превращалось в процесс самопознания: они не просто анализировали события, но и приглядывались друг к другу, проверяя прочность нового союза. Утренний свет, проникавший сквозь высокие окна, словно подчёркивал прозрачность их намерений — или иллюзию таковой.

— Как ты легко запустила эту машину, Кети! А это ведь огромные деньги, заработанные только на чувствах Флеша и его страсти коллекционировать. Кстати, он даже и не заметит, сколько потратил. А мы купим вам чудесный домик и все прелести жизни. Да и должен он был вашей маме кое-что, — неожиданно произнёс Карло со скрытым напряжением в голосе и продолжил: — Вас ещё и на свете не было. Мы тогда в институте учились, была такая история… В общем, я доволен остался!

— Ну а ты, Николь, вообще справилась с заданием «подружиться» за одну минуту! Объект не успел ещё войти в игровую, как оказался за нашим столиком и любезно с тобой беседовал. Будто влюбился с первого взгляда. Я такое испытывал однажды… Кстати, у нас сегодня прогулка на яхте — поторопитесь, там всё по времени, — торопливо сказал Карло.

— Да, я хочу признаться… — начала Николь, но не успела сказать: Карло уже вышел из комнаты.

А ведь она уже встречала Каспера в поезде по пути сюда, в этот курортный городок. Они были знакомы, и между ними уже что-то произошло — некое зёрнышко любви поселилось в их душах. Но они об этом ещё не догадывались…

Первые дни складывались идеально — и всё же в этом безмятежном спокойствии таилось нечто тревожное. Впереди ждали купание в бирюзовой воде, шумные вечеринки и, конечно, новый план Карло. Они помогали отвлечься, заглушить смутное беспокойство. Но какой финал ждёт их в этом райском месте, где под маской гармонии прячутся страх, контроль и жестокость? Где вечный поиск не ведёт к просветлению, а лишь обнажает горькую правду: от себя не убежать. Даже рай здесь превращается в зеркало, в котором отражаются самые тёмные грани человеческой души.

Яхта Его Величества Каспера величественно покоилась у причала. Капитан встретил нас с невозмутимым достоинством. Едва мы поднялись на палубу, как сразу ощутили: это

мир иных людей. Их лица словно запечатлели все блага, которые может дать жизнь. А чуть в отдалении — четыре прекрасные девушки, словно не принадлежавшие ни к одному кругу. Мы остались в тени их безразличия — видимо, таков закон этого блистательного мира.

— Как я рад вас видеть, Николь! Ну вы меня вчера разыграли. Я ведь на полном серьёзе запутался в подаче коктейлей, а Кети — молодец, до последнего не выдавала вашей тайны. До чего же вы похожи! Или вы Кети? Да нет, меня сейчас не обманешь, — улыбаясь и светясь, проговорил Каспер.

— Куда мы направляемся? Это запланированный маршрут? — спросила Николь.

— Да, и он ведёт на личный остров моего отца. Там всё построено его руками — дом, конюшни, даже тропы в лесу. Сейчас там живут только он и его лошади… дикие, как ветер. Думаю, вам всё очень понравится. Это не просто прогулка — я хочу показать вам место, где я вырос. — с некой детскостью сказал Каспер.

Николь посмотрела на него, завидуя той безоглядной радости, с которой он вспоминал детство в этом затерянном раю.

— Каспер, ты меня вчера так поразил своим ответом во время игры — так глубоко и точно! Откуда это у тебя? — спросила Николь.

— Это из университета — я изучал квантовую физику.

И сегодня покажу тебе солнечные панели, которые работают благодаря фотоэффекту, разработке Эйнштейна. Дом отца сам обеспечивает себя энергией благодаря солнечным батареям, — с гордостью произнёс Каспер.

— Кстати, я сегодня его так обрадую своей новостью! Он так долго этого ждал. Да я и сам не знал, что это такое, только слышал об этом, — с некими бабочками в груди проговорил Каспер.

— Да что же это такое?! Мне кажется, ты сейчас замашешь руками и взлетишь. Ты меня заинтриговал — ну говори же поскорей! — с нетерпением и неподдельным интересом умоляла сказать об этом Николь.

Капитан скомандовал о подходе к острову — все вытянулись по струнке, а Каспер где-то летал в облаках.

В голове Николь закрутились последние события вчерашнего вечера. Её внутренний голос начал с ней общаться: «Что-то не помню его таким вчера… Вечеринка безалкогольная — у хозяина язва. Немного танцевали, разговаривали на балконе, близко стояли друг к другу, мерили, у кого рука больше, всё время смеялись, долго прощались и поцеловались крепко — но у них же это принято, судя по хозяину. Приятное что-то было в душе… Спала всю ночь…»

Не каждая женщина готова к встрече с таким мужчиной — Каспером. Он особой породы, и это видно сразу: сильный духом, разборчивый во всём, спокойный, с проницательным взглядом. Его не удивить мишурой, не расстроить мелочами,

он не растрачивает себя на мимолетные связи.

Наблюдая со стороны, Каспер ищет равную себе — ту, что принадлежит к той же породе. В этом — суть его избирательности: так он оберегает взращённые годами ценности, верность принципам и глубину переживаний. При этом Каспер — изысканный ценитель редкой роскоши: женщин, чей взгляд, слова и действия невозможно предугадать. Именно с ними возможна самая захватывающая игра в жизнь — та, где каждый ход открывает новую грань близости, а каждое мгновение наполнено подлинным напряжением чувств. В такой игре нет шаблонов, нет предсказуемых финалов — есть только живое, пульсирующее настоящее, в котором двое создают свой собственный, неповторимый мир.

Побережье острова строго контролировалось — повсюду чувствовался неусыпный надзор, призванный оградить эти земли от нарушителей. Очевидно, это был заповедник: здесь сохранялись уникальные растения и обитали редкие дикие животные. Место словно напоминало: цивилизация хрупка, а в глубинах человеческой натуры таится сила, способная вырваться из оков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.